

УДК 808.03+802.0

МИРЫ МАКСИМА ГОРЬКОГО НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

© 2011 г.

В.Н. Шмелёв

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

OGortinskaya@nnv.beeline.ru

Поступила в редакцию 02.12.2010

Дан анализ некоторых художественных особенностей автобиографической повести Максима Горького «Детство» и способов их отражения в переводе на английский язык. Мир русской провинциальной жизни, увиденный глазами ребенка, впечатляет читателя своей красотой и реализмом. Концепция противоположных миров типична для других произведений этого известного русского писателя. Переводы дают возможность его голоса звучать в диалоге культур.

Ключевые слова: концепт, адекватная передача, воспроизводство смысла.

Кем бы ни был читатель автобиографической трилогии М. Горького, он с первых страниц входит в противоречивый и красочный мир русской провинциальной жизни второй половины XIX века. Попытка приобщить к этому миру англоязычную аудиторию ставит перед переводчиком много задач, включая проблему адекватной передачи концептов иной культуры.

Хотя современная школа художественного перевода имеет достаточно основательную теоретическую и практическую базу с набором понятий и принципов адекватности, нельзя не признать, что воспроизводство смысла есть неизбежно создание иного смысла. Строго говоря переводчик – всегда интерпретатор, воспроизводящий свое понимание источника. «Понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением» [1, 351].

Цель данной статьи – обратить внимание на некоторые художественные особенности повести «Детство» и способы отражения их в переводе на английский язык.

Творчество М. Горького – русский мир, отраженный сознанием большого русского писателя. Нельзя не заметить необыкновенное обаяние его прозы: каждое предложение «сделано» добротно, повествование разворачивается неторопливо, но достаточно динамично, языковые средства очень выразительны.

С первых страниц повести мы видим, что при некоторой отстраненности рассказчика столкновение мира ребенка с миром взрослых создает зоны непонимания, модусы странности. В суете событий, происходящих в полутемной комнате, где лежит тело отца, ребенок замечает, что темная шаль, которой занавешено окно, вздувается как парус. В его опыте уже есть слово «парус». Следует такое объяснение: «Одна-

жды отец катал меня на лодке с парусом. Вдруг ударил гром. Отец засмеялся, крепко сжал меня коленями и крикнул: "Ничего, не бойся, Лук!" [2, 205]. Переведено это так: Once when my father had taken me for a ride in a sailboat there had come an unexpected crash of thunder. My father had laughed, pressed me between his knees, and cried: "That's right, don't be afraid, son!" [3, 20]. Перевод достаточно точен, хотя "an unexpected crash of thunder" (неожиданный удар грома), звучит, на наш взгляд, несколько тяжеловесно.

С этим воспоминанием в повествование как ветер врывается мир, который еще только начинал открываться для героя. Там были родители, строгость матери и удаль отца, чувство защищенности и образ реки. Этот мимолетный образ свободы и воли хронологически предшествует и трагическим сценам реальности, и известному диалогу знакомства Алеши с бабушкой:

Ты откуда пришла – спросил я ее.	"Did you have to walk far to get here?" I asked her.
Она ответила: Сверху из Нижнего, да не пришла, а приехала! По воде-то не ходят, шиш!	"I didn't walk, I rode. You don't walk on the water, you fig," she answered. I came from the Lower, higher up." [3, 19–20].

Здесь переводчик вынужден дать пояснение о тех коннотациях, которые связаны в русском языке с названием города.

Маленький Алеша, словно иностранный наблюдатель в стране взрослых, ничего не знает о городе Нижний Новгород, ему смешно и непонятно, почему «Нижний» оказывается где-то наверху и причем тут вода. А вот разговор с бабушкой звучит весело и складно, хотя в нем тоже не все понятно:

– А отчего я шиш? "Why do you call me a
– Оттого, что шумишь, "fig?"
– сказала она, тоже "Because you are so big",
смеясь. was her laughing retort.
Она говорила ласково, She had a kind, bright
весело, складно. [2, manner of speech.
205]. [3, 20].

Перевод отражает гамму чувств персонажей, их взаимную симпатию, словесную игру и понимание.

Британский специалист по переводу Джон Кетфорд, разбирая сцену знакомства Алеши с бабушкой, отмечает, что частичная непереводаемость текста (untranslatability) связана не столько с культурными различиями, сколько с различием ситуаций. Даже простой вопрос «Ты откуда пришла?» в буквальном переводе выглядит как «Where have you walked in from», что оценивается носителем английского языка, как неприемлемое («out of register»). Для адекватной передачи смысла следует, по мнению Джона Кетфорда, установить ситуационные соответствия (related situational features) [4: 96–98].

В повести показано, как, открывая мир, ребенок познает смысл таких слов, как "матрос", "Саратов", интересуется судьбой лягушек, которых зарыли в землю. Реакция взрослых на его вопросы разная. Вот диалог с матросом:

– Эх, брат, ничего ты "Ah, sonny, it's not
еще не понимаешь! Ля- much you understand
гушек жалеть не надо, yet!" he said.
господь с ними. It's not the frogs are to
Мать пожалей, - вон как be pitted – the devil with
ее горе ушибло! [2, 208]. them – it's your mother.
Just look what grief's
done to her!" [3, 24].

Реакция матроса эмоциональна, в ней есть сочувствие и назидательность. Реакция бабушки выглядит иначе, и переводчик это чувствует и передает соответственно:

Нет, уж не вылезут, – "No, they won't, God
ответила она. – Бог с bless them", she an-
ними! [2, 207]. swered. [3, 22].

Типичные для стиля М. Горького синтаксические конструкции, начинающиеся с обстоятельство и дополнений, переводчик делает более приемлемыми для английского читателя, сохраняя фигуры речи:

Окно каюты загородила A wet wall blocked the
какая-то мокрая стена, window of the cabin; it
стало темно, душно, became dark and stuffy,
узлы точно распухли, and the bundles seemed
стесняя меня, и все было to swell up and crowd
нехорошо. [2, 209]. me out. [3, 24].

В стремлении передать особенности стиля автора переводчик с большой изобретательностью подбирает эквиваленты необычным для

английского языка синтаксическим конструкциям и выразительным «горьковским» эпитетам:

Меня держит за руку My hand was being
бабушка – круглая, held by my grandmoth-
большеголовая, с огром- er – roundish woman
ными глазами и смеш- with a large head,
ным рыхлым носом. [2, enormous eyes, and
204]. funny fleshy nose. [3,
19].

Светлые минуты своего первого путешествия по Волге автор пронес в памяти через всю свою трудную жизнь как «первые дни насыщения красотой»:

Установилась хорошая The weather was fine,
погода; с утра до вечера and from morning to
я с бабушкой на палубе, night I was up on deck
под ясным небом, меж- with my grandmother,
ду позолоченных осе- floating there beneath
нью, шелками шитых the bright sky, between
берегов Волги. [2, 210]. the banks of the Volga
embroidered with the
golden silk of autumn.
[3, 26].

В переводе тщательно сохранено описание неторопливого движения светло-рыжего парохода по серовато-синей воде с баржой, похожей на мокрицу, изменение картин природы, зеленые горы, города и села, точно пряничные издали.

Исследователи произведений М. Горького отмечают, что образ реки стал лейтмотивом всего его творчества [5: 188]. Ритм волн, приливы воли и смена настроений через его мысли и чувства отразились в синтаксисе и лексике и в том удивительном «сцеплении художественных элементов, которые оказываются не простой суммой событий, а умножением и даже возведением в степень... Сливается детализированное изображение с философским осмыслением мира» [6: 156–157].

Тема борьбы миров отражена практически во всех произведениях М. Горького: бог деда и Бог бабушки, мир расчета и мир радостного труда, мир человеческой воли и мир человеческих слабостей, мир «свинцовых мерзостей» и мир света и неба, мир угнетения и мир свободы. Тот же пафос неприятия темных сторон жизни слышен и в публицистике М. Горького: «Будем крепко верить, что в русском человеке разгорятся ярким огнем силы его разума и воли, силы, погашенные и подавленные вековым гнетом полицейского строя жизни» [7: 77].

Стремление донести до зарубежного читателя тревоги русского мира всегда будет актуальной задачей для тех людей, которые взяли на себя роль посредников в диалоге культур.

Когда время, не торопясь, многое расставляет по местам, особенно хорошо видно, что споры о творчестве Максима Горького не закончатся никогда, ибо Максим Горький – это сама жизнь.

Список литературы

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
2. Горький М. Собр. соч. в 16 томах, т. 8. М., 1979. 432 с.

3. Gorky M. Childhood (translated by M. Wettlin). Moscow, 1973. 232 с.

4. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. London, 1965. 103 с.

5. Спиридонова Л. М. Горький: Новый взгляд. М., 2004. 264 с.

6. Рат Т.М. Прием «усиления» в сюжетно-композиционной структуре «Жизни Клим Самгина» М.Горького // Горький и вопросы жанра и стиля. Горький, 1979. С. 156–157.

7. Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. 400 с.

MAXIM GORKY'S WORLDS IN RUSSIAN AND IN ENGLISH

V.N. Shmelyov

Some artistic peculiarities of Maxim Gorky's autobiographical story "Childhood" and the ways they are reflected in the translation into English are analyzed. The world of Russian provincial life seen through the child's eyes impresses the reader by its beauty and realism. The concept of opposite worlds is also typical of other works by this well-known Russian writer. Translations let his voice sound in the dialogue of cultures.

Keywords: concept, adequate translation, communicating the sense.